

ГЛАВА 1

Дверь была заперта.

Я подергала разболтанную металлическую ручку и поняла, что запор довольно хлипкий. Один ловкий удар, и она раскроется, как пещера Али-Бабы. Главное, не привлечь внимание жильцов. Я подошла к перилам и, перегнувшись, посмотрела вниз. Далеко на первом этаже глухо хлопнула дверь. Кто-то выругался, а затем послышался звон разбитой бутылки.

— Да что ж такое! — раздался недовольный старческий голос. — Маша, носи тряпку. Литр масла коту под хвост!

Голос вскоре стих, и я, воспользовавшись тем, что на краткое время подъезд опустел, с размаху ударила ногой по хлипкой двери. Она распахнулась с жалобным вздохом и выплонула на пол раскуроченный замок. Я нырнула внутрь и из-за стенки прислушалась, но на лестнице было тихо. Единственной дверью на этом мансардном этаже была чердачная. Квартиры начинались ниже, и моего вторжения никто из жильцов дома № 50 по Михай-

ловской улице, к счастью, не заметил. Можно было приступить к осмотру.

На чердаке царил полумрак. Хлопья клочковатой пыли перекатывались по полу серыми облачками. Повсюду лежал высохший голубиный помет. Ряд пыльных, никогда не мытых слуховых окошек еле-еле освещал пространство. Я осторожно прикрыла искалеченную дверь и прошла к ним, раздвигая натянутые на каждом шагу паруса многолетней паутины. За мной по пыльному полу потянулась цепочка следов.

— Интересно.

Створка одного окна была приоткрыта. Я провела пальцем по ее шелушащейся раме и толкнула. Окно распахнулось шире, впустив внутрь прохладный сентябрьский воздух. Я высунулась наружу, насколько смогла. Внизу на детской площадке копошились дети. Кто-то пытался припарковать белый внедорожник между двумя худыми березками. А прямо подо мной дворовый рыжий кот, распушив хвост-метелку, осторожно шел по железной стойке сушилки для белья. Он тронул лапой натянутую леску, но пройти дальше не решился и улегся на перекладине.

— Еще интересней.

Вынув из кармана складной бинокль, я навела его на дом, стоящий напротив. В широком просвете между деревьями мелькнул балкон на пятом этаже, обшитый синими, недавно крашенными жестяными листами.

— Обзор ничто не загораживает. В принципе, все понятно. — Прикрыв створку, я достала из кармана телефон и набрала номер заказчика.

Гудки почти сразу прервались. На том конце послышался взволнованный мужской голос.

— Таня? Вы что-то выяснили? Не томите.

— Выяснила, Павел Иванович. Вашего брата убили.

— Так и знал. Володька не самоубийца. Я так ментам этим чертовым и сказал. А они только рады списать грех на самого человека. Паскуды... Лишь бы не разбираться.

Голос смолк. Я догадалась, что Павел Иванович пытался перебороть себя и не расплакаться. Наконец мой собеседник откашлялся и торопливо заговорил:

— Ну, рассказывайте, рассказывайте скорее.

— Рассказываю. Во-первых, слуховое окно слишком маленькое, чтобы через него можно было свободно вылезти взрослому человеку, тем более комплекции вашего брата. Думаю, самоубийца вряд ли выбрал бы для своего прыжка окно, через которое можно протиснуться только с большим трудом. Во-вторых, на чердаке никого не было много месяцев.

— Это точно?

— Максимально. Слой пыли нетронутый и такой толщины, что в нем картошку можно посадить. Тут невозможно пройти, не оставив следов. Но их нет — только те, что я сама на-топтала.

— А не могло просто скопиться?

— За две недели? Исключено. Тут еще все затянуто нетронутой паутиной. Ей точно несколько месяцев, если не лет.

Я побарабанила пальцем по стеклу.

— Дальше. Внизу, прямо под окном, из которого якобы выбросился ваш брат, стоит сушилка. Любое тело, упав с такой высоты, порвало бы леску, на которую белье вешают. Но сушилка целая.

— Может, леска и порвалась, да новую натянули? — предположил Павел Иванович.

— Вряд ли. Конец сентября, сырость. На улице никто белье не сушит. Так что и леску бы не меняли — нужды в ней нет.

Павел Иванович снова замолчал, ожидая продолжения.

— Ну и последнее обстоятельство. Балкон вашего свидетеля прекрасно просматривается из слухового окна, а значит, и с балкона прекрасный обзор на слуховое окно чердака.

— И что это значит?

— Это значит, врет ваш свидетель. Он утверждает, что ваш брат у него на глазах выпрыгнул из окошка. Вид ему ничто не загоразивало, померещиться ничего не могло, а, как мы только что выяснили, отсюда выпрыгнуть невозможно. Значит, он дает заведомо ложные показания.

— Господи. Зачем ему это?

— Скорее всего, он как-то замешан. Ваш брат был должен кому-то крупную сумму де-

нег. Я вам показывала переписку в его телефоне, помните?

— Да. Так что же — это он? Это ему Володька, что ли, задолжал?

— Вполне возможно. В телефоне у Владимира человек, которому он должен денег, обозначен как Крот. А у свидетеля фамилия Землеройкин. Мне кажется, аналогия прозрачная.

— Вот скотина! Еще и свидетелем записался. — Мужчина на том конце сильно разволновался. Он тяжело задышал в трубку, но попросил продолжать.

— У него, скорее всего, были поделщики. Землеройкин — человек в возрасте, с отдышкой. Он бы не смог выкинуть из окна мужчину, который больше его, выше ростом и к тому же наверняка сопротивлялся. Этот задохлик и собаку бы не выкинул. Значит, кто-то помогал. Я советую обратить внимание на двух судимых племянников Землеройкина. Не самые крепкие парни, но вдвоем справились бы. Вашего брата сбросили из окна в другом месте, после чего привезли сюда и положили под окна дома. Створка одного слухового окна открыта — там задвижка сломана. Снизу это хорошо видно. Вот преступники и решили воспользоваться удачным обстоятельством. Раннее утро, народу нет. Землеройкин заявил следователю, что ему не спалось и он вышел покурить на балкон. Надежный свидетель — лучший подарок для следствия. Ничего расследовать и не нужно. Так они все и провернули.

— Что мне теперь делать?

— Наймите адвоката для начала и расскажите ему обо всех найденных доказательствах. Я оформлю все в письменном виде. Думаю, этого хватит, чтобы подтолкнуть следствие в верном направлении. Хотя будьте осторожны. Возможно, Землеройкин подкупил кого-то в полиции.

— Вы так думаете? — удивился мой собеседник и инстинктивно заговорил тише. — Есть какие-то доказательства этому?

— Следы на чердаке только мои, — напомнила я. — Если бы полиция проверяла версию свидетеля, сюда обязательно бы поднялись и осмотрелись. А получается по-другому — с его слов записали и просто уехали. Может, конечно, обычная халатность, однако ничего нельзя исключать. Не знаю я таких халатных полицейских. А вот тех, кого можно подкупить, знаю. Это районное отделение у меня на плохом счету.

— Спасибо вам, Танюша. Не знаю, как и благодарить. Вы спасли память о моем брате. Очистили его доброе имя.

— Не стоит благодарности, — ответила я, вспомнив о сумме, которая упала на мой счет этим утром. — Я делаю свою работу. Мне очень жаль, что с вашим братом случилось это несчастье. Примите мои соболезнования. Я все изложу на бумаге и свяжусь с вами в течение трех дней.

— Хорошо, Танечка, тогда до встречи. Спасибо вам! Спасибо... — Голос Павла Ивановича опять дрогнул.

— До свидания.

Я вернулась на лестничную клетку и спустилась вниз по ступеням. Мне страшно хотелось кофе, и я решила, что перед тем, как вернуться домой, заеду в кофейню «Зерна». Там как раз должны были привезти новую партию кофе из Эфиопии. Вдруг моя нога съехала с последней ступени, и я, взмахнув руками, полетела вперед, на бетонный пол. В последнюю секунду я успела выставить руки и зависнуть над кривым осколком, оставившимся мне в шею.

— Ой! Деточка!— послышалось сзади. Чья-то дрожащая рука попыталась приподнять меня с пола: — Это все я. Я, старая дура, бутылку с оливковым маслом разбила. Руки, видишь, дрожат, как у бешеной.

Я приподнялась и села, рассматривая содранные ладони. Надо мной склонилась маленькая пухлая старушка в мелких седых кудряшках.

— Черт. Бабуся! Хорошо, что мы не на трамвайных рельсах. А то я бы уже без головы лежала.

— Ты это о чем, деточка?

— Не важно.

— Ой, прости, прости меня. Вон и штаны твои модные на коленках порвались. Беда-то какая.

— Ничего страшного.— Я медленно встала, опираясь на сухую ручку старушки.

— Миленькая ты моя...

— Все хорошо, не беспокойтесь. Ай...

— Ты точно идти можешь?

— Могу, все в порядке. — Я подумала, что о кофейне придется забыть. Надо доползти до дома и заняться разбитыми коленками. Я выпрямилась и вдруг почувствовала острый прострел в спине. Этого только не хватало!

Осторожно обходя осколки, я проковыляла к входной двери. Старушка за моей спиной открыла дверь своей квартиры:

— Сейчас, сейчас. Сестра сейчас все уберет, она и помоложе, и порасторопнее... Маша, носи же тряпку и веник! Надо собрать осколки — люди уже калечатся.

Когда я выходила на улицу, до меня долетел голос таинственной Маши, которая скрывалась в глубине квартиры, — такой же старушечий и хриплый:

— Аннушка... ну не горячись, несу уже...

* * *

К тому моменту, как я доехала до своего дома, коленки начали саднить сильнее. Припарковавшись, я осмотрела ноги. Сразу стало ясно, что джинсам хана. На каждой штанине красовались дырки с неживописными рваными краями, окрашенными засыхающей бурой кровью. Я загрустила: джинсы были куплены этим летом в Италии, а с момента покупки не прошло и пары месяцев.

Дома после обработки сада перестали казаться такими уж страшными, зато я почувствовала, что усиливается боль в спине. Перспектива не радовала: повреждение могло оказаться серьезным, а моя работа требовала постоянного передвижения. Можно было просто отлежаться дома, но мне было тяжело даже кружку с полки достать, поэтому, поохав и поторговавшись с собой, я все-таки вызвала такси и поехала в клинику к знакомому доктору. Вердикт был ожидаемым: растяжение.

Леонид Леонидович, травматолог, не раз спасавший меня от подобных недугов, выписывая рецепт, вдруг оторвался от компьютера и уставился на меня поверх очков.

— Рыба моя, перестань заниматься ерундой.

— В смысле? — удивилась я. Леонида Леонидовича я знала уже лет десять и звала запросто дядей Леней. Он лечил все мои переломы и ушибы, полученные в ходе многочисленных расследований, с интересом воспринимал мою профессию, но в нравоучениях ранее замечен не был. — Дядь Лень, я просто упала.

— Я все жду, что когда-нибудь ты окончательно «упадешь», — старичок изобразил пальцами кавычки, — и я уже ничем не смогу тебе помочь. И никто не сможет.

— Дядь Лень, что вы каркаете! — засмеялась я. — Я действительно просто упала. Бабулька какая-то масло разлила на ступеньках...

— А бабульку случайно не Аннушкой звали? ■

Я открыла рот и закрыла, решив, что лучше промолчать.

— Ладно,— Леонид Леонидович махнул рукой, нахмурившись,— кому-нибудь другому будешь рассказывать про свое «упала». Он вдруг встал из-за стола и зашагал по кабинету, засунув тонкую дужку очков себе в рот. Причем сделал это так энергично, что я испугалась, он ее перекусит.

— Дядь Лень, да что случилось-то? С чего вы вдруг так распереживались? Я к вам давно хожу, и все вроде нормально было.

— Случилось... — повторил он, остановившись перед окном.— Случилось...

Я молча ждала продолжения, понимая, что пока внутри у моего доброго доктора не выстрелит сжатая пружина, слова из него больше не вытянешь. Он по-прежнему смотрел в окно, где на огромной площадке, построенной для скейтеров и любителей экстремального спорта, резвилась беззаботная молодежь.

— Они словно нарочно обустроили эту площадку напротив моих окон. Целый день смотрю, как эти подростки прыгают и падают, падают и прыгают. И все жду, что кого-нибудь из них либо «Скорая» увезет, либо ко мне в кабинет притащат.

— И как, увозили? — спросила я.

— Увозили! — с вызовом ответил Леонид Леонидович.— И не раз. Знаешь, я месяцами упрасивал начальство дать мне кабинет с видом

на мостик. Там только пенсионеры да влюбленные гуляют... Не дали. А я теперь и не попрошу.

— Почему? — удивилась я. Очевидно, мой травматолог к чему-то вел, правда, очень окольными путями.

— Моя пациентка оттуда сбросилась, — сказал он наконец, вернувшись к столу. Из нагрудного кармана Леонид Леонидович извлек тонкий платочек и аккуратно протер им стекла очков. Потом посмотрел на свет. — Даже не пациентка, а близкий человек. Теперь куда ни кинь, всюду клин: других видов из окна у клиники нет.

— Дядь Лень, — вздохнула я, — говорите, в чем дело.

— Твоя работа очень опасная?

— Не больше, чем любая другая.

— Вот, не обманывай старого деда! Не обманывай. Гоняться за преступниками — придумала же занятие... И ремонтирую я тебя с завидной регулярностью. Так что... — Он пригрозил мне пальцем. — Не надо тут... убеждать меня, что это безопасно.

— Окей, не буду. — Я подняла руки, словно «сдаваясь». — Только скажите, в чем дело. Я же вижу, вы о чем-то хотите меня попросить, только все никак не решитесь. Давайте я сэкономлю время. Вы хотите попросить меня об услуге. Но опасаетесь, что в результате оказания этой услуги я каким-либо образом пострадаю. И не хотите быть причиной. Так?